

УДК 821.112.2.09

ГОМЕРОВСКИЙ МИФ В РОМАНЕ Б. ШЛИНКА «ЧТЕЦ»

Ю. О. Овсянникова

Тверской государственной университет
кафедра теории литературы

Целью данной работы являлось исследование комплекса мотивов и цитат в романе Б. Шлинка «Чтец», отсылающих к одному из ключевых текстов мировой литературы – «Одиссее» Гомера. Этот эпос читают герои романа Шлинка, «Одиссея» является постоянным предметом рефлексии главного героя «Чтеца» Михаэля Берга. Все это позволяет интерпретировать историю взаимоотношений героев и «блуждания» Михаэля как травестированный сюжет эпоса Гомера.

Ключевые слова: *современный немецкий роман, мотивный анализ, мотив пути, деконструкция мифа, параллельные сюжеты, цитата-маркер.*

Роман Бернхарда Шлинка «Чтец», опубликованный в 1995-м году, разошелся огромными тиражами, был переведен на 39 языков, получил ряд престижных премий, был экранизирован и включен в обязательную школьную программу в ряде федеральных земель Германии. «Наряду с «Жестяным барабаном» Гюнтера Грасса это, пожалуй, самый известный в мире роман современного немецкого писателя», – констатируют немецкие интерпретаторы книги Шлинка Саша Фойхерт и Ларс Хоффман [6, с. 5]. Они объясняют успех романа так: Шлинка написал текст на самую важную немецкую тему – отношений с историческим прошлым. «Чтец» – это ненавязчивая метафора немецкого блуждания. Путаница, блуждание – вот что такое неосознанное молчание немцев в пятидесятые и шестидесятые годы в понимании Шлинка, – поясняют немецкие литературоведы [6, с. 37].

Появление романа вызвало в Германии дискуссии: одна велась на страницах газет, вторая – на филологических конференциях и форумах. Обсуждение книги с самого начала вышло за рамки текста: сюжет романа вызвал споры о роли «маленького человека» в трагических событиях сороковых годов прошлого века и о преемственности исторической вины. Шлинка критиковали за нарочитую провокативность и атаку на «болеющую точку» немецкого сознания, обвиняли в «беллетристичности» и жажде коммерческого успеха [5, с. 6]. Таким образом, обсуждался не сам роман, а обстоятельства его появления на свет и исторические события, положенные в основу сюжета.

К сожалению, эта тенденция сохранилась и в филологических дискуссиях. Исследовательница Гири Кавельти в своей статье «Одиссея как навязчивая идея» приводит такой список тем, продуктивных, по ее мнению, для литературоведческих интерпретаций романа: любовь, вина, стыд, мораль, ответственность, право [4, с. 3]. В большинстве научных работ, посвященных

роману, подробно рассказывается о Холокосте и обсуждается степень виновности / невиновности каждого из героев «Чтеца» в событиях нацистского периода немецкой истории. Роман Шлинка в немецком литературоведении является не столько самостоятельным объектом исследования, сколько поводом для высказывания о проблемах истории и реалиях современной Германии.

Между тем, роман как типичный постмодернистский текст имеет несколько планов: один относит к событиям немецкой истории и настраивает на поиск внелитературных параллелей и фактов. Второй связан с процессом чтения и развивается в поле многочисленных литературных цитат, образов и мотивов – он может быть обнаружен и проинтерпретирован исключительно с помощью филологического инструментария.

Сам Б. Шлинка предостерег в интервью «Франкфуртер альгемайне цайтунг» от следующих интерпретаций романа:

- «- Анна Шмитц невиновна, потому что она неграмотна;
- быть носителем морали может только образованный человек;
- Анна Шмитц осознала свою вину и объяснила ее, научившись читать» [7, с. 4].

Что значит это авторское высказывание? Ведь если читать роман как книгу о вине и наказании, Шлинка не оставляет никаких возможностей для целостной интерпретации. Но, на наш взгляд, здесь имеется в виду нечто другое – это предостережение от смещения реальности и художественного мира. Читателю настойчиво предлагается прочесть два текста: один – о немецкой истории и вине, второй – о нарративе как способе преодоления реальности. Само название романа ориентирует вдумчивого читателя на поиск цитат и мотивов, на анализ тела текста и реконструкцию «путешествия» главного героя романа Михаэля Берга на основе цитируемых в романе текстов мировой литературы.

Чтение – один из ключевых мотивов романа. Герой романа Михаэль Берг читает вслух Анне Шмитц, своей возлюбленной, ряд художественных текстов. Увидев Анну через много лет среди обвиняемых на процессе над нацистскими преступниками, он осуждает бывшую возлюбленную, но не может понять ее «самоубийственного» поведения на суде. Главный аргумент обвинения – письменный отчет, составление которого приписывается Анне. Она не отрицает этот факт, и в результате именно ей выносится самый суровый приговор. Только после процесса Михаэль делает открытие: Анна не умеет читать и писать и настолько стыдится своей неграмотности, что для сокрытия недостатка готова пожертвовать свободой. Понимает герой и другое: Анна осознанно выбирала профессии, не требующие навыков чтения и письма. Не потому ли она оказалась в охране Освенцима?

Позже Михаэль начитывает избранные тексты на кассеты и отправляет их в тюрьму, где Анна отбывает пожизненное наказание. Литературные тексты являются объектом рефлексии героя – и это облегчает исследовательскую задачу по поиску интертекста. Среди текстов, упомянутых в романе, – «Одиссея» Гомера, «Эмилия Галотти» Г. Э. Лессинга, «Коварство и любовь» Ф. Шиллера, «Война и мир» Л. Н. Толстого, «Из жизни одного бездельника» Й. Эйхендорфа, рассказы И-Г. Шнитцлера и А. П. Чехова и др.

Самый цитируемый текст в романе Шлинка – «Одиссея» Гомера. Это один из первых текстов, который Михаэль читает Анне. Именно с «Одиссеи» начинается череда начитанных на пленку текстов, которые Михаэль позже передает ей в тюрьму. «Одиссея» – одна из любимых книг героя и постоянный объект его рефлексии. Эпос Гомера назван в романе «праформой всех историй о возвращении домой» [3, с. 88].

В «Чтеце» обнаруживается множество других цитат-маркеров, отсылающих к гомеровскому мифу. Один из ключевых эпизодов – лекция в университете, на которой главный герой вместе с однокашниками переводит «Одиссею». «Я прочитал ее всю раньше на немецком, любил этот эпос и не перестал любить его по сей день <...> После того как учитель поддел меня насчет Софи и весь класс закончил смеяться, я, начиная читать, загнулся, но загнулся совсем по иной причине. Навсикая, по росту и виду напоминающая бессмертных, непорочная и белорукая – кого из двух я мог тут себе представить, Анну или Софи? Одна из них должна была быть ею» [3, с. 56].

Таким образом, сам Михаэль Берг ассоциирует себя с Одиссеем и интерпретирует события своей жизни через призму гомеровского текста. Его путешествие – это не только попытка вернуться в родной город, в родительский дом после любовной связи со взрослой женщиной, Анной. Это попытка найти контекст для себя и собственного прошлого после травмирующего знакомства с биографией Анны, оказавшейся бывшей охранницей концлагеря.

Знакомство героя с Анной – отправная точка его путешествия – в романе Шлинка предопределено. Герой живет на Банхофштрассе, то есть, в переводе на русский, на Привокзальной улице. Он знакомится с Анной, когда идет в школу, на Блюменштрассе, то есть на Цветочную улицу. И этот топоним в романе Шлинка неслучаен, напоминая о Роке: ведь на вторую встречу с Анной герой идет с букетом цветов в руке – его передали для Анны родители Михаэля.

Важную роль в отношениях Михаэля и Анны играет *ритуал омывания*. В тексте Шлинка он становится мотивом: Анна моет Михаэля на каждом свидании. Их последняя встреча происходит в бассейне, где Михаэль купается с однокурсниками.

Встреча с Анной, как и знакомство Одиссея с Навсикаей, становится для Михаэля началом его путешествия в пространстве, но одновременно и отправной точкой в поисках внутреннего покоя и примирения со своим прошлым и прошлым своей страны. «В моей душе было ощущение какого-то прощания. Я еще никуда не ушел, но меня уже здесь не было. Я тосковал по матери, и отцу, и брату с сестрами, и одновременно по той женщине», – так описывает свои чувства Михаэль после первого свидания с Анной.

Мотив пути, связанный с Анной, реализуется на страницах романа в самых различных вариантах. Анна по профессии – трамвайный кондуктор, с немецкого это переводится как «трамвайная проводница». Поездка в трамвае в сопровождении Анны воспринимается героем в символическом ключе: «Я был заперт в медленно едущем трамвае. Я чувствовал себя исключенным, изгнанным из нормального мира, в котором люди живут, работают и любят.

Я был словно обречен на бесцельную и бесконечную езду в пустом вагоне» [3, с. 38].

Анна сопровождает Михаэля и во время его первого самостоятельного путешествия по окрестностям родного города. «Анна предоставляла мне не только выбор направлений и улиц» [3, с. 47], – вспоминает Михаэль.

Анна, из-за которой герой покинул родной город, становится для него проводницей не только в пространстве, но и во времени. После знакомства с женщиной, оказавшейся нацистской преступницей, личная биография Михаэля оказывается включенной в исторический контекст. Прошлое страны, которое казалось ему когда-то чужим, не связанным с ним, становится частью его личной истории.

Итак, встреча с Анной становится для героя началом долгого путешествия. Михаэль путешествует в пространстве, уходя от родителей, переезжая в другой город, отправляясь на экскурсию в Освенцим, а потом в Америку на поиски выжившей еврейской девочки. Эти географические блуждания в романе заканчиваются у могилы Анны. Но куда интереснее путешествие героя во времени: расставшись с Анной, он многократно возвращается к ней в воспоминаниях, затем, после суда, пытается реконструировать события ее прошлого, а заодно прошлого родителей и их сверстников.

Путешествуя в прошлом, герой переживает внутренние метаморфозы. Его блуждания растянулись на годы, как и путь Одиссея на Итаку: «Как могли древние греки, знавшие, что в одну реку не ступают дважды, верить в возвращение домой» [3, с. 89].

Михаэль не может примириться с прошлым, о котором до суда так мало знал: «Почему? Почему, когда мы оглядываемся назад, то вдруг то, что некогда было прекрасным, утрачивает свою силу из-за того, что скрывало тогда ужасную правду? Почему воспоминания о счастливо проведенных супружеских годах омрачаются, когда вдруг выясняется, что один из супругов все эти годы изменял другому? Потому, что в таком положении нельзя быть счастливым? Но ведь счастье-то было! Порой воспоминание уже тогда искажает впечатление о счастье, если конец был горьким. Потому, что счастье только тогда бывает полным, когда оно длится вечно? Потому, что горько может закончиться только то, что было горьким, неосознанным и неопознанным нами? Но что такое неосознанная и неопознанная горечь?» – размышляет Михаэль, обнаружив в качестве обвиняемой на процессе бывшую возлюбленную.

Примирение с прошлым как метафора возвращения домой начинается для героя с возобновления общения с Анной, отбывающей наказание в тюрьме. «В моих спутанных, проникнутых воспоминаниями и грезами, вращающихся мучительным круговоротом дремотных мыслях о моем браке, моей дочери и моей жизни на передний план то и дело выходила Анна, я начал читать для Анны. Я читал для Анны вслух, записывая себя на кассеты... Сначала я не хотел посылать отдельные части Одиссеи и ждал, пока не запишу на пленку весь эпос...» [3, с. 101].

Предложенный анализ гомеровского мифа в романе Б. Шлинка был бы неполон без возвращения к заглавию романа и к двум сюжетам текста, один из

которых отправляет интерпретатора к историческим фактам и событиям, а второй – к источникам цитат и аллюзий в романе. Очевидно, что роман отсылает читателя не только к образам и мотивам «Одиссеи» Гомера – он отсылает к литературе как способу реконструкции и преодоления реальности и к природе нарратива вообще.

Вспомним, что согласно *устной* теории происхождения гомеровских эпосов, «Одиссея» и «Илиада» рассказывались, прежде чем приобрели фиксированную форму и были записаны [5]. Сам Гомер, согласно легенде, был слепым сказителем – человеком, произносившим свои поэмы перед слушателями, как бы надиктовывавшим их.

Слово *Vorleser* означает в немецком *человек, читающий вслух*. Но также им может быть обозначен тот, кто произносит речь, ведет лекцию – одним словом, тот, кто воспроизводит вслух некий связный текст, ведет повествование. Именно эта многозначность заглавия позволяет увидеть в эпизодах чтения Михаэлем «Одиссеи» неграмотной Анне образ того эпического повествователя, который «рассказывает о событии, как чем-то отдельном от себя» [6, с. 45]. Противопоставление устного и письменного маркируется в немецком тексте романа характеристикой Анны: она неграмотная, *die Analphabetin*. В переводе с немецкого это означает *безалфавитная*: алфавит, напомним, является формой письменности.

Таким образом, сам сюжет романа провоцирует читателя на рефлексию о различных формах организации повествования, об истоках появления эпоса, о сознании человека дописьменной и письменной эпохи. Гомеровский миф в романе Шлинка становится не только ключом к истории путешествия и возвращения героя, но и поводом для размышлений о природе и эволюции повествования.

В финале романа, примирившись с прошлым, Михаэль начинает называть случившееся с ним *историей*: отец становится нарратором, рассказчиком. А заглавие романа в финале обнаруживает свой свернутый сюжет: Одиссея Михаэля завершается появлением на свет повествования, которое отделено от реальности, существует автономно от нее. Роман завершается размышлением героя: «Гарантией того, что написанная версия правильна, является то, что я написал ее, а другие версии – нет. Написанная версия хотела быть написанной, множество других этого не хотело. Сначала я хотел рассказать нашу историю, чтобы отделаться от нее. Однако для этой цели воспоминания отказывались идти ко мне. Потом я заметил, как наша история стала ускользать от меня, и захотел вернуть ее изложением на бумагу, но и это тоже не выманило воспоминания из-под их укрытия. Вот уже несколько лет, как я оставил нашу историю в покое. Я заключил с ней мир. И она вернулась ко мне, деталь за деталью, такой четкой, полной и законченной, что она больше не наводит на меня грусти. ...Я думаю, что она точна, и что на фоне этого вопрос, печальная она или счастливая, не имеет никакого значения» [3, 120].

Список литературы

1. Аристотель. Об искусстве поэзии [Текст] / Аристотель. – М. : Гос. изд-во худ. лит-ры, 1957. – 184 с.
2. Гордезиани, Р. В. Проблемы гомеровского эпоса [Текст] / Р. В. Гордезиани. – Тбилиси : Изд-во Тбилисского гос. ун-та, 1976. – 394 с.
3. Шлинк, Б. Чтец [Текст] / Б. Шлинк. – Berlin : Courtesy of Demon`s Eye VerlagsGmbH, 1999. – 124 с.
4. Cavelty, G. Die Odyssee als Obsession [Текст] / G. Cavelty // Neue Zürcher Zeitung. – 2006. – № 84. – Cavelty. – S. 6.
5. Deißner, D., Lindemann T. Ist «Der Vorleser» ein großer Roman? [Текст] / D. Deißner, T. Lindemann // Die Welt. – 2006. – № 139. – S. 3.
6. Feuchert, S., Hofmann L. Bernhard Schlink. Der Vorleser. Lektüreschlüssel für Schüler [Текст] / S. Feuchert, L. Hofmann. – Stuttgart: Reclam Verlag, 2005. – 79 s.
7. Im Gespräch: Bernhard Schlink. Herr Schlink, ist «Der Vorleser» Geschichte? [Текст] // Frankfurter Allgemeine Zeitung. – 2000. – № 32. – S. 4.

HOMER'S MYTH IN THE NOVEL «THE READER» BY BERNHARD SCHLINK

Y. O. Ovsyannikova

Tver State University

The department of theory literature

This paper focuses on the problem of the representation of Homer's myth in the novel "The Reader" by B. Schlink. The epos "The Odyssey" by Homer becomes the key to the interpretation of themes and motifs in the novel of B. Schlink. The main character of the novel Michael follows the path of Odysseus and eager to return home and to understand himself and his past.

Key words: *modern German novel, analysis of motifs, motif of way, deconstruction of the myth, parallel stories, marker of quote.*

Об авторе:

ОВСЯННИКОВА Юлия Олеговна – аспирантка кафедры теории литературы Тверского государственного университета (170100, Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: yuliyaovsyannikova@yandex.ru